

политика

К.Г.Холодковский

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ОБОГАЩАЕТ ТЕОРИЮ ПАРТИЙ

Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы современной России. —
М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет,
2007. — 544 с.

Читатели, интересующиеся жизнью российских партий, привыкли черпать информацию из публикуемых в «Политии» обстоятельных и вдумчивых аналитических обзоров Юрия Коргунюка. Теперь они получили возможность ознакомиться с не менее обстоятельным трудом того же автора, итожащим опыт развития современной российской партийной системы за сто с лишним лет. И это, на мой взгляд, заметное событие в нашей политической науке.

Дело не только в том, что в новой книге Ю.Коргунюка представлена наиболее полная летопись событий и фактов партийной жизни — прежде всего за определяющее для новой российской жизни пятнадцатилетие 1988—2003 гг. Этой летописи предпослан теоретический раздел, который выгодно отличается от аналогичных разделов в книгах многих других авторов. Мы знаем немало политологических работ, в которых теория существует как бы отдельно от конкретного исследования, никак ему не помогая. Есть и труды, где авторы усердно прилагают к российской конкретике теоретические схемы, возникшие на иной почве, получая в итоге результат, не имеющий принципиального значения либо просто далекий от реальности.

В книге Ю.Коргунюка теоретические постулаты выведены из живого российского материала и исправно работают на конкретное исследование, не только направляя анализ, но и помогая обобщить частные выводы. Для этого автору приходится произвести ревизию теоретических подходов современной партологии — в первую очередь с точки зрения их ценности для исследования российского казуса, но не только. При оценке вклада известных западных политологов в теорию партий Коргунюк отталкивается от тезиса (с которым, думается, можно согласиться), что для продвижения теории вперед необходимо иметь за плечами опыт конкретно-исторического анализа, поскольку лишь такой опыт дает возможность заметить нечто новое, не укладывающееся в рамки существующих концепций. Поэтому он невысоко ставит чисто механическое сопоставление количественных параметров, характерное для компаративистов типа К.Джанды. Отдавая должное классическим работам фактического основоположника партологии М.Дюверже (концепция которого играет роль «печки», от которой «танцует» Коргунюк),

идеям его предшественников (М.Острогорского, Р.Михельса) и младших современников (Дж.Сартори, С.Роккана, О.Кирххаймера), а также ряда новейших авторов (П.Мэйра, Р.Каца и др.), исследователь прослеживает постепенное развитие теории партий, шедшее параллельно эволюции самих партий и партийных систем. Фиксируя то новое, что было внесено каждым из партологов, он видит и слабости их концепций. Так, в частности, он обращает внимание на то, что известное понятие всеядных партий (*catch-all parties*) не укладывается в привычный логический ряд «кадровые — массовые партии». Оспаривает он и правомерность введенного Мэйром и Кацем термина «партия-картель», считая, что «картелизация» относится скорее к партийным системам, нежели к отдельным партиям.

В изложении своей концепции, можно сказать выстраданной современным российским опытом, Ю.Коргунюк исходит из того, что партия является самостоятельной системой и в то же время частью более широкой системы. Он опирается тем самым на идеи Дж.ЛаПаломбары и М.Винера, видевших в партиях посредников между тремя «мирами»: обществом, государством и культурой. Последовательно рассматривая важнейшие ипостаси партии (партия как организация, преследующая определенные цели, партия как воплощение того или иного типа социальных связей и отношений представительства, партия как отражение некоего фундаментального общественного конфликта и соответствующей идеологии), автор постепенно расширяет социальный контекст, готовя почву для разговора о партийных системах и их типах.

Наиболее интересными и плодотворными в концепции Ю.Коргунюка мне кажутся два ее элемента, один из которых относится к партиям как таковым, а второй — к партийным системам.

Справедливо указывая на «классификационную путаницу» в партологии, проистекающую из смешения организационного и функционально-целевого критериев, Ю.Коргунюк предлагает (развивая идею немецкого политолога Г.Китшельта) принять в качестве основы для классификации, определяющей и организационные, и функционально-целевые, и некоторые другие характеристики партии, *тип социальной связи*, объединяющей ее членов. Идя от менее развитых к более развитым формам такой связи, он выделяет *клиентелу* с присущей ей типом представительства — патронажем, *иерархическую структуру* с характерным для нее делегированием полномочий сверху вниз, *гражданский союз*, выступающий «адвокатом» своих членов, и, наконец, *клуб единомышленников*, отличительной особенностью которого является «правозащитная» деятельность в интересах общества или обездоленной его части. Впрочем, исследователь оговаривается, что речь идет лишь о доминирующей тенденции, ибо в структуре партии практически всегда содержатся все четыре разновидности социальных связей.

Ю.Коргунюк удачно сопрягает преобладающий в партиях тип социальной связи с их социальным составом. Пролетарская база первых массовых партий, констатирует он, благоприятствовала иерархическому построению, люмпенский состав — доминированию клиентельного начала, интеллигентский характер — клубной организационной структуре.

Данный подход позволяет, в частности, развеять историческое недоразумение с американскими партиями, долгое время считавшимися менее развитыми, нежели европейские. Ю.Коргунюк отмечает, что в американских партиях всегда присутствовало сильное гражданское начало, которого недоставало более «современным» массовым партиям Европы. С этой точки зрения происходящая ныне «американизация» европейских партий вовсе не выглядит их безусловной деградацией, а массовость партий — неоспоримым преимуществом. Предложенная схема адекватна и реалиям России (что естественно, ведь она возникла прежде всего в результате размышлений над российским опытом!): если КПСС была типичной иерархической структурой, то современные «партии власти» и особенно ЛДПР — несомненные клиенты, а либеральные партии проделали путь от клубов единомышленников к клиентам, или «избирательным машинам». Чего не хватает российским партиям, как и всему обществу, заключает Коргунюк, так это гражданских отношений.

Важными и плодотворными кажутся мне и нововведения Коргунюка в части, касающейся классификации партийных систем. Он справедливо указывает, что при построении такой классификации следует отталкиваться от взаимоотношений партий и государственной власти. Отказываясь рассматривать под этим углом зрения западные системы (ограничившись замечанием, что там правительства «переросли» партийные рамки, в то время как в России правительство до партийности не доросло), исследователь на основе российского опыта дает чрезвычайно удачную классификацию *незавершенной партийной системы*.

Ю.Коргунюк выделяет три подтипа незавершенных партийных систем — *флуктуационную, периферийную и псевдопартийную*¹. Во флуктуационной системе отсутствует общепризнанный центр власти, борьба за этот статус принимает форму «войны всех против всех», что делает систему неустойчивой, а ее существование — краткосрочным. Периферийная система — более упорядоченная, но за счет утраты рычагов влияния на исполнительную власть. Наконец, в псевдопартийной системе партии, и в первую очередь доминирующая «партия власти», есть не более чем декорация. Стержнем системы служит авторитаризм — стоит его убрать, и система рухнет.

Эта типология, конечно, также является плодом изучения российского опыта. В конкретно-исторической части труда Ю.Коргунюка наглядно показано, что в начале XX в. российская партийная система, возникнув как флуктуационная, быстро эволюционировала сперва к

¹ Четвертую из упоминаемых им партийных систем — атомизированную, возникающую в результате краха авторитарных режимов — трудно отнести даже к числу незавершенных, поскольку множество появляющихся в этих условиях политических образований не способно наладить ни долгосрочные связи с обществом, ни конструктивное сотрудничество между собой.

периферийной и затем к однопартийной, а на рубеже XX—XXI вв. — от однопартийной к флуктуационной, периферийной и псевдопартийной. Тем самым столь различная по своим условиям и проявлениям партийная жизнь начала и конца века вплетается в единый контекст.

Менее убедительными выглядят заключения Ю.Коргунюка относительно связи между партийным размежеванием и общественными конфликтами, порожденными процессами модернизации. Сама идея подобной связи, восходящая к С.Роккану, несомненно, плодотворна. Прав автор и в том, что наложение разных конфликтов может приводить к кумулятивному эффекту, а может ослаблять, гасить один их них. Однако приводимый Коргуноком перечень идейно-политических размежеваний, на мой взгляд, не во всем удачен. Во-первых, он представляется излишне дробным: в ряде исторических ситуаций, прежде всего раннего периода, шкала «консерватизм — либерализм» частично совпадает со шкалой «традиционализм — прогрессизм», а в других — со шкалой «рыночный индивидуализм — государственный патернализм». Во-вторых, шкала «элитаризм — эгалитаризм» сопрягается в нем только с противоположением капитализма и социализма, что неправомерно сужает ее значение. Более того, применительно к современной России автор вообще забывает об этой линии, видимо считая ее исторически исчерпанной. Поскольку некоторые шкалы близки друг к другу или частично совпадают, на страницах, посвященных конкретному исследованию российского феномена, возникает своего рода чересполосица, особенно заметная там, где речь идет о смене противостояния «консерватизм — либерализм» размежеванием «традиционализм — прогрессизм», или наоборот. Наконец, вызывает недоумение попытка приписать либералов к сонму «образцовых левых».

Что касается России, то мне лично более правильным кажется укрупненное размежевание, которое я попытался обосновать в одной из своих статей: «модернизация (меняющая облик в зависимости от времени) — консерватизм (в том числе традиционалистского толка)», «западничество — самобытность», «демократия (политическая свобода) — авторитаризм (всех разновидностей)», «элитарность (политика в интересах меньшинства) — социальность (учет интересов большинства)»². Конечно, здесь не хватает конфликта «центр — периферия», совершенно справедливо выделенного Коргуноком. Готов допустить, что о предпочтительности того или иного варианта можно спорить.

Вслед за Е.Гайдаром Ю.Коргунюк много говорит о конфликте «налогоплательщики — бюджетополучатели», выдвигая его на первый план сегодняшней политической жизни не только в России, но и на Западе. Сдается, что помимо этической некорректности терминов (а что, бюджетополучатели, например так называемые «бюджетники» — работники государственных предприятий, врачи, учителя, научные работники, рядовые госслужащие, — не являются налогоплательщиками?) здесь есть и существенная неточность. Конфликт неолибералов с неокейнсианцами по поводу государственного вмешательства в социально-экономи-

² См. Холодковский К. Г. *Идейно-политическая дифференциация российского общества: история и современность // Политика. 1998. № 2. С. 5—40.*

ческие отношения касается не только налогов и бюджета, но и вопроса о разрастании государства и его бюрократического аппарата, а также проблемы мотивации к производительному труду, которую ослабляет государственный патернализм. Но самое важное — разве предприниматели (крупные налогоплательщики), пожинаящие в своей экономической деятельности плоды заботы государства о развитии фундаментальной науки, о повышении качества «человеческого капитала» (вложения в образование и здравоохранение), не относятся к числу «бюджетополучателей»? Ю.Коргунюк невольно демонстрирует уязвимость деления на «налогоплательщиков» и «бюджетополучателей», замечая в конце работы, что наемные работники занимают промежуточное место на этой шкале. Наши неолiberaлы часто путают идеологические установки западного неолiberaлизма с реальной практикой неолiberaльных правительств. Между тем, несмотря на различного рода ограничения и «усовершенствования» системы социальных гарантий и вспомоществования, социальные расходы в западных странах продолжают расти. И дело тут не только в «политкорректности» или боязни социальных потрясений...

Говоря о своих частичных несогласиях с Ю.Коргунюком, я меньше всего хочу поставить под сомнение научную значимость его труда. На мой взгляд, в данной области у нас еще не было работ, в которых широчайший охват конкретно-исторического материала (как-никак *вся* история российских партий) так удачно сочетался бы с его концептуальным политологическим осмыслением.

Вызывает восхищение объем сведений (взятых почти исключительно из первых рук и исчерпывающе описывающих особенности и эволюцию десятков партийных и протопартийных образований), которыми оперирует автор. Налицо подлинная научная добросовестность и скрупулезность — насущно необходимое, но, увы, довольно редкое для современного историка и политолога качество. Читатель найдет в книге не только обширный справочный материал, но и точные оценки отдельных партий, лидеров, ситуаций, а главное, убедительный анализ тех процессов, которые и побудили автора сделать обогащающие партологические теоретические выводы.

Первоначально возникающее легкое сомнение, стоило ли начинать изложение с истории российских партий начала века, столь непохожих на нынешние и возникших в других исторических условиях, тут же рассеивается: автор показывает, что почти все признаки отсутствия настоящей многопартийности, отмеченные применительно к тому периоду, существуют и теперь. И тогда, и теперь многопартийность интересовала лишь узкий слой образованной городской «общественности». Вместе с тем — и в этом известный парадокс — общество созрело для возникновения незавершенной партийной системы в ее флуктуационном варианте: в 1905—1907 гг. российские партии (Коргунюк не согласен с определением их как «протопартий») приблизились по своему ха-

рактеру к массовым, а в 1917 г. даже стали на время главными субъектами политики. Однако «соприкосновение с властью» (а власть — цель любой настоящей партии) оказалось для них губительным, и дело кончилось утверждением однопартийной системы, милитаризацией и «очиновниченьем» уцелевшей партии, ее срастанием с государственным аппаратом.

Ю.Коргунок отмечает, что, хотя возрождение многопартийности в России произошло в условиях, коренным образом отличавшихся от существовавших в начале XX в. (другие проблемы, другие конфликты), партийная система вновь сложилась как незавершенная. Он делит ее историю на три этапа. С конца 1980-х годов по август 1991 г. осуществлялся переход от однопартийной к флуктуационной системе, с осени 1991 г. по конец 1999 г. — от флуктуационной к периферийной, с 2000 г. по 2003 г. — от периферийной к псевдопартийной.

Первый период характеризовался кумулятивным наложением друг на друга сразу нескольких общественных конфликтов (главными из которых были конфликты между государством и «бюджетополучателями» и между государством и наемными работниками). «Экономический инфантилизм» населения создал благоприятную почву для расцвета популизма (вообще, по мнению Коргунока, популисты в купе с властью были основными акторами на политической сцене последнего пятнадцатилетия). В то же время, прослеживая зарождение партий, автор фиксирует рост активного меньшинства, отмечает заслуги возникавших неформальных организаций в противостоянии однопартийной системе, их роль в первых относительно свободных избирательных кампаниях. Он показывает, что вопреки некоторым оценкам современников на этих выборах имели место и контроль «сверху», и административное давление, и если они оказались намного менее эффективными, чем в начале нынешнего века, то лишь благодаря общественному подъему.

Наибольшую дееспособность, по заключению Коргунока, демонстрировали в тот период не партии, а организации с гибкой клубной структурой, способные не столько командовать, сколько согласовывать и координировать. Это объяснялось сложным и противоречивым составом демократического движения, в котором объединились разнородные потоки, чьи русла в дальнейшем разошлись. Самая мощная организация того времени — «Демократическая Россия» — была именно таким объединением. В работе подчеркивается ее интеллигентский состав. Впоследствии это движение ослабло и сошло с политической сцены, поскольку выполнило свою задачу, добившись ликвидации властной монополии КПСС.

Ю.Коргунок дает оценку и первым парламентам, избранным в 1989—1990 гг., — общесоюзному и российскому. Думается, он не совсем прав, когда вместе с Н.Бирюковым и В.Сергеевым считает, что Съезд народных депутатов СССР вполне удовлетворял целям руководства КПСС. Будучи действительно достаточно послушным с чисто законодательной точки зрения, он сыграл роль политической трибуны демо-

кратического меньшинства. На российском съезде изначальное соотношение сил было более выгодным для демократов — и не только потому, что, как пишет Коргунюк, разложение коммунистического режима зашло еще дальше, но и потому, что там не были представлены столь явные «заповедники» консерватизма, как среднеазиатские и некоторые другие союзные республики.

Возникшая к началу 90-х годов флуктуационная система, констатирует автор, по определению не могла быть долговременной. И параллельно с происходившим в 90-е годы партийным строительством разворачивается другой процесс — трансформация партийной системы в периферийную. В 1991—1993 гг. флуктуационность, как показывает Коргунюк, достигает максимума (отсутствие единого центра власти, стремительно меняющаяся ситуация), и с конца 1993 г., после силового решения вопроса о центре власти в пользу исполнительной ветви, все отчетливее начинает выявляться периферийность партийной системы (независимость власти от партий).

Здесь снова приходится затронуть спорные вопросы. Согласно Ю.Коргунюку, в 90-е годы основным общественным конфликтом, определявшим партийное размежевание, был конфликт «бюджетополучатели — налогоплательщики», который, однако, не принял открытой формы, поскольку по советской привычке претензии «бюджетополучателей» переадресовывались государству. Но возможна иная, на мой взгляд, более адекватная трактовка сложившейся тогда ситуации. Имело место наложение и взаимное пересечение двух конфликтов: «рыночная модернизация — советский традиционализм (выражавшийся в ориентации на государственный патернализм)» и «элитарность — социальность». Произошло это потому, что рыночные реформы в том виде, в каком они реально осуществились в России, слишком противоречили понятию социальной справедливости. Реформаторы и в силу объективных обстоятельств, и в силу своего воспитания и идеологических установок пренебрегли задачей социального демпфирования преобразований, соорудив минимально необходимой «страховочной сетки».

Мне кажется также, что в споре Ю.Коргунюка с В.Гельманом по поводу приверженности «Выбора России» демократии правота скорее на стороне Гельмана. Нет сомнения, в составе и руководстве ВР было много искренних демократов. Но столь же несомненно, что наиболее влиятельные лидеры ВР (включая Е.Гайдара и особенно А.Чубайса) уповали не столько на мощь демократического движения и развитие демократических институтов, сколько на близость к управленческим рычагам. Адекватная их характеристика — экономические либералы или либеральные технократы (отчасти этим можно объяснить вхождение в ДВР ряда крупных чиновников).

При всем том Ю.Коргунюком сказано немало справедливых слов как о сильных, так и о слабых сторонах ВР (ДВР) и «Яблока». Он соглашается с заключением В.Шейниса о двойственной природе «Выбора

России» и убедительно показывает, что замыкание «Яблока» на себя, его неспособность к коалиционным взаимодействиям связаны не только с личными особенностями Г.Явлинского, постепенно превращавшей партию в клиентельное образование, но и с маргинализацией массовой базы — разочаровавшейся в реформах интеллигенции. Блестящим надо признать анализ феномена ЛДПР (взять хотя бы замечание о том, что «державничество Жириновского лишено традиционалистской окраски — это скорее присущее люмпену восхищение силой как таковой»). Удачны и многие другие характеристики партий и партийных лидеров.

Большая глава посвящена деятельности партий в первых постсоветских российских парламентах. Здесь положение автора несколько осложнил выход двухтомника В.Шейниса «Взлет и падение парламента», подробнейшим образом освещающего первые шаги постсоветского парламентаризма. Поскольку оснований для иной трактовки этих событий у Коргунюка нет (о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на книгу Шейниса), в том, что касается периода 1991—1993 гг., изложение воспринимается как дублирование уже сказанного. Иное дело — период после событий октября—декабря 1993 г. Тут аналитическое перо Ю.Коргунюка, использующего богатейший первичный фактический материал, показывает себя во всем блеске. Совершенно справедлив его вывод (в полемике с Г.Голосовым), что сам по себе институциональный дизайн, созданный Конституцией 1993 г., не предопределял с неизбежностью всевластия президента. Решающую роль сыграли неверие в себя и трусость оппозиции. Стоило бы только добавить, что трусливой оппозицию сделало силовое разрешение конфликта в октябре 1993 г.

Особый интерес вызывает последняя глава, где рассматривается переход от периферийной к псевдопартийной системе. Начавшись в 1999 г., эта трансформация, как показывает Коргунюк, несколько замедлилась из-за раскола подконтрольных исполнительной власти сил на две части, что заставило ту прибегнуть, подобно тому, как это было в 1907—1914 гг., к тактике попеременной опоры на два разных большинства в Думе. Однако за какой-нибудь год этот раскол удалось преодолеть, и власть взяла парламент под более или менее полный контроль, ставший после выборов 2003 г. безусловным. Характеризуя главный инструмент этого контроля — «Единую Россию», автор отмечает, что реальная власть в ней принадлежала узкому кругу крупных чиновников, нередко даже входивших в партию, тогда как основной массе членов отводилась роль безгласных статистов. Курс ЕР, определяемый исполнительной властью, был «центристским» лишь в том смысле, что несколько либеральных законов в экономической сфере «уравновешивались» консервативными мерами, ужесточившими регламентацию общественной жизни. То обстоятельство, что ЕР представляла собой «не более чем декорацию», не имело значения. Она сосредоточила в своих руках все рычаги управления парламентом, и от мнения меньшинства перестало что-либо зависеть. Все противники Кремля, реальные и по-

тенциальные, оказались в состоянии «совершеннейшего раздора». К началу 2004 г. переход к псевдопартийной системе завершился.

Ю.Коргунюк совершенно прав, когда связывает происшедшее с изменениями в самом обществе. Но вряд ли стоит сводить эти изменения к выдвиганию на первый план конфликта между «налогоплательщиками» и «бюджетополучателями». Все, увы, сложнее. Да, бесспорно, к избирательному циклу 2007—2008 гг. на авансцену выдвинулись социальные вопросы, но за ними скрывается все тот же конфликт модернизации и консерватизма (в ипостаси государственного патернализма). В начале XXI в. стране пришлось платить по счетам того модуса преобразований, который не смог соединить в себе удовлетворительного решения двух наложившихся друг на друга конфликтов: «модернизация — консерватизм (советский квазитрадиционализм)» и «элитарность — социальность». Отсюда — чрезмерное усиление традиционалистского (государственно-патерналистского) лагеря и резкое ослабление модернистско-реформаторского. Отсюда же — усталость масс от преобразований и политики, тяга к «порядку», стремление «прислониться» к государству, симпатии к авторитарной власти, компенсаторный рост великодержавности. При этом в некоторых аспектах «налогоплательщиков» и «бюджетополучателей» объединяют одинаковые заботы.

Ю.Коргунюк подчеркивает в своей книге, что любая незавершенная партийная система по определению является переходной. К чему это переход — к полноценной партийной системе или к деградации до полной «беспартийности», — решается конкретным развитием событий. Автор выражает надежду, что в российском случае речь пойдет о становлении партийной системы, а не о сползании к однопартийной или беспартийной диктатуре.

Подводя итог своим размышлениям по поводу новой книги Ю.Коргунюка, еще раз повторю: российские читатели получили солидный, заслуживающий внимания труд. Не все трактовки его автора выглядят бесспорными. Но и спорить с ними интересно, так как за всеми пусть не всегда безупречными построениями просматривается живая мысль. В понимании происходящего, в оснащении российской общестственности знаниями, необходимыми для движения вперед, сделан новый шаг.